

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Английский язык сквозь призму менталитета англичан: концепт “privacy”

А. А. Джиоева, проф., доктор филологических наук, факультет иностранных языков и регионоведения, кафедра английского языка для гуманитарных факультетов, МГУ им. Ломоносова

The poorest man may in his cottage bid defiance to all the forces of the Crown. It may be frail – its roof may shake – the wind may blow through it – the storm may enter – the rain may enter – but the King of England cannot enter, his forces dare not cross the threshold of that ruined tenement.

Sir William Pitt,
Earl of Chatham

Изучение культуры народа через язык, а именно через посредство ключевых слов конкретного языка, является относительно новым и перспективным направлением современного языкознания. Такое направление широко разрабатывается в многочисленных исследованиях Анны Вежбицкой, которая через изучение ключевых слов русского, английского, польского, японского и ряда других языков выходит в соответствующие этим языкам культуры [4, 5, 32, 33].

Действительно, изучение ключевых концептов в соответствующих картинах мира позволяет пролить свет на целый ряд проблем, связанных с менталитетом и культурой разных народов. С этой точки зрения особый интерес вызывают концепты, которые специфичны для той или иной языковой модели мира. Так, например, для американской модели мира одним из ключевых концептов является “freedom”, значимость которого определяется особым характером мировосприятия этого народа. И хотя слово это вполне переводимо на другие языки, именно здесь ему отводится совершенно особое место в языковой картине мира. То же самое с русскими словами “душа” или “воля”. Они совершенно специфичны для русской ментальности. Учитывая тот факт, что языковая картина мира включает как минимум три компонента – мир действительности, мир мышления и мир языка – представляется важным проследить, что в картине мира от действительности, что от мышления и что от собственно языка. При таком подходе лингвоспецифичные концепты могут также подразделяться на три группы в зависимости от того, каким из трех компонентов языковой картины мира они опосредованы.

Так, например, такие шотландские реалии, как *kilt* (шотландская юбка), *tartan* (клетка – шотландка),

bagpipe (шотландская волынка), *shortbread* (особый вид шотландского печенья), *haggis* (шотландский деликатес, который едят вместе с приемом виски) и т. д., связаны с тем компонентом картины мира, которая идет от действительности. Эти слова выступают как языковые корреляты предметов и явлений (денотатов), существующих в жизни данного социума. То же самое касается русских слов типа *матрешка*, *балалайка* и т. д.

Различные обозначения одного и того же понятия метро в разновидностях английского языка – *tube* (в Британии), *underground* (в Европе), *subway* (в Америке), *metro* (в России) и т. п. опосредованы чисто языковым компонентом картины мира и не связаны с ментальными особенностями носителей языка. То же самое можно сказать и о лексических расхождениях между американским и британским вариантами английского языка:

амер.	брит.
cellphone	mobile phone
candy	sweets
sidewalk	pavement и т. д.

Наибольший интерес, с нашей точки зрения, представляет собой та группа лингвоспецифичных концептов, которая опосредована соответствующими мыслительными, или ментальными, особенностями того или иного народа. Эти слова занимают ту область языковой картины мира, которая связана, с одной стороны, с миром мышления, а с другой – с собственно семантикой языка. Они совершенно уникальны для каждого конкретного языка и составляют его идиоэтнический, или идеосемантический, компонент [1, 8]. Такие слова представляют своего рода лакуны, которые не находят прямых коррелятов в других языках.

Для англосаксонской языковой модели мира в качестве таких уникальных концептов выступают *understatement*, *privacy*, *stiff upper lip*, *commitment*, *challenge* и целый ряд других. Анализ концепта *understatement* был проведен нами в ряде работ [11].

В настоящей статье мы проанализируем концепт *privacy*. Это понятие настолько специфично для англосаксонской языковой модели мира, что пронизывает его весь и отражает значимость этого понятия в менталитете англичан и американцев. Мы ограничимся анализом английской ментальности и роли в ней концепта *privacy*, так как считаем его исконно английским феноменом, который может проследиваться (хотя и в несколько видоизмененном виде) и у других народов.

Анализ концепта *privacy* проводится в русле новых направлений в лингвистике, сформулированных Е. С. Кубряковой на рубеже XX–XXI веков и прогнозирующих основные тенденции развития лингвистики XXI века [14]. Это – экспансионизм – выход в смежные области знаний; антропоцентризм – изучение языка с целью познания его носителя – человека; неофункционализм – изучение всего многообразия функций языка и их реализаций; экспланаторность – объяснение языковых явлений [14].

Принцип экспансионизма особенно актуален на сегодняшний день, так как изучение такого сложного феномена, каким является человеческий язык, в рамках чистой лингвистики не может охватить всего многообразия сторон языка и лишь привлечение смежных с лингвистикой областей может создать адекватную картину описываемого объекта. Анализ концепта *privacy* позволит нам выйти в такие смежные области, как этнолингвистика, этнопсихология, культурная антропология, лингвогеография, и др., а также проблему дистанцированности, которая имеется в менталитете англичан и выражается помимо языковых средств еще и поведенческими характеристиками англичан. Кроме этого, подобная дистанцированность отражается и в искусстве (по нашим наблюдениям – в английском кинематографе).

Такой подход основывается на вагнеровской идее “общего целостного искусства”, на исследованиях кинорежиссера С. М. Эйзенштейна о символике цвета (желтого) в разных видах искусства, в том числе и в языке, на исследованиях известного антрополога Леви-Стросса. С этой точки зрения можно говорить о схожести таких феноменов в искусстве и литературе, как А. Моцарт и А. Пушкин. Такое сопоставление может основываться, по крайней мере, на эмоциях, которые возникают при соприкосновении с произведениями двух гениев. Можно было бы пойти дальше и с определенной оговоркой сравнивать с ними феномен “Битлз”. (Предвидя скептицизм пуристов в искусстве, не будем однозначно утверждать последнее.)

Основываясь на вагнеровской идее всеобщности искусств, мы можем идти дальше и наблюдать схожие явления в разных областях искусства, которые, развиваясь

параллельно, часто вступают в совершенно уникальные связи и создают изысканную гармонию. Так, например, исследователи искусства известного американского художника, представителя абстрактного экспрессионизма Джексона Поллока характеризуют его стиль как “джаз в живописи”. Именно поэтому в лондонской галерее Тейт перед картинами Поллока установлено устройство для прослушивания джазовых мелодий, предлагаемых для сочетания с созерцанием картин художника.

С этой точки зрения интересной представляется и мысль о том, что широко распространенный феномен импрессионизма в живописи находит свое яркое воплощение и в импрессионизме в музыке (Равель, Дебюсси), хотя, безусловно, в каждом из этих видов искусств он находит свое совершенно особое преломление. В нашем случае идея создания такого рода синтеза искусств, включая язык, сформулирована в книге Вяч. Вс. Иванова “Лингвистика третьего тысячелетия” [12].

Вторая тенденция лингвистики XXI века – антропоцентризм – также очень актуальна. Изучение языка как основного свойства, имеющегося у человека и отличающего его от остальных живых существ на Земле, уже делает науку о языке одной из важнейших областей науки о человеке – антропологии. Область лингвистики, занимающейся проблемами языковой картины мира, составляет большую часть такой науки, как культурная антропология. Изучение концепта *privacy* также идет в русле этого направления.

Проводимый анализ охватывает и область неофункционализма, так как позволяет проследить действие когнитивной функции языка, отражающей мыслительные потенции человека по мере отражения им окружающего нас мира и последующей репрезентации его в языке человека. Кроме того, принцип неофункционализма позволяет проследить и действие коммуникативной функции языка, делающей возможной адекватную репрезентацию когнитивной деятельности человека.

И, наконец, принцип экспланаторности науки, предполагающий не просто описание языковых фактов и явлений, а попытка их адекватного объяснения. Лингвистика XX века была представлена главным образом в виде “КАК – лингвистики” (как устроен язык). На смену ей приходит “ПОЧЕМУ – лингвистика”, в основе которой лежит примат объяснения [13]. Основываясь на этом принципе, мы ставим вопрос не просто о значимости концепта *privacy* в современном английском языке, но и постараемся дать ответ на ряд вопросов, связанных с ним, а именно: *Почему такой концепт столь значим для английского языка и англосаксонского менталитета вообще? Какие причины – ментальные, географические, культурные – лежат в основе связанного с “privacy” явления дистанцированности англичан? Как подобная дистанцированность выражается в языке англичан?* и ряд других вопросов.

Предваряя анализ концепта *privacy*, приведем его определения.

Longman Dictionary of English Language and Culture (LDELС) приводит следующее его определение:

“the (desirable) state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one’s affairs, etc. In many western countries, this is usually given particular value and people expect to have their privacy respected by others”.

Webster’s New English Dictionary (WNED) определяет *privacy* как:

1. the condition of being apart from the company or observation;
2. freedom from unauthorized intrusion (a person’s right to privacy).

На русский язык этот концепт можно перевести лишь весьма приблизительно – *уединение, уединенность, право на частную жизнь, приватность* (последний перевод предлагает О. Г. Прохвачева, определяя приватность как “осознание человеком своей личной сферы в противоположность общественной” [22]).

Т. В. Ларина, автор интересных публикаций по проблеме *privacy*, предлагает перевод “автономия личности” [16].

Производные от *privacy* и сочетания с ним:

private, personal privacy, right to privacy, invade someone’s privacy, invasion of privacy, in the privacy of your (own) home, respect smb’s privacy, breach of privacy.

Следующие примеры иллюстрируют использование концепта *privacy* в речи:

Her only periods of peace and privacy are when the children are in bed [35].

Privacy is very important to most teenagers [35].

The press has been asked to respect the privacy of the Royal Family during this very difficult time [35].

I waited until I was in the privacy of my own room before I opened the letter [35].

Brando is a private man who almost never gives interviews to the press (Longman Language Activator – LLA).

I hated the lack of privacy in the dormitory (Collins COBUILD English Language Dictionary).

I felt I needed privacy (Collins COBUILD ELD).

Perhaps you’d like to take it home with you and read it in privacy (Collins COBUILD ELD).

The new law is designed to protect people’s privacy [36].

См. также сочетания со словом *private*:

private property – частная собственность;

private life – личная жизнь;

private conversation – конфиденциальный разговор;

private information – секретная информация;

private meeting – закрытое собрание;

private talks – неофициальные переговоры;

private concert – домашний концерт или концерт для узкого круга приглашенных;

private person – человек, не раскрывающий свою душу другим, отдаленный от всякой публичности;

private joke – шутка между близкими людьми, которая понятна только им;

private laugh – смех, причина которого понятна только близким людям;

to be private – например, в контексте: *we are quite private here* (мы здесь одни, нам никто не помешает) [16].

Следующий отрывок охватывает всю ключевую лексику, связанную с проблемой вторжения в частную жизнь (*invasion of privacy*), которую испытывают знаменитости:

Celebrities, as well as more ordinary people, complain about *invasion of privacy* or *breach of privacy* when they feel their private lives are being examined too closely.

They complain about *intrusive reporting* techniques like the use of *paparazzi*, photographers with long-lens cameras who take pictures without the subject’s knowledge or permission. Other intrusive methods include *doorstepping*, waiting outside someone’s house or office with microphone and camera in order to question them, and secretly recording conversations by *bugging* rooms with hidden microphones, or *bugs*. (Collins COBUILD Key Words in the Media).

И, действительно, наибольшая угроза *privacy* исходит от средств массовой информации, особенно от представителей желтой прессы. Их издатели понимают, что людям нравится читать о жизни знаменитостей, что позволяет им всячески отслеживать жизнь последних, часто используя совершенно немыслимые средства вторжения в их частную жизнь и делая ее достоянием общества. Достаточно яркой иллюстрацией этому служит интерес к членам королевской семьи в Великобритании.

Знаменитый игрок английского футбольного клуба “Манчестер Юнайтед” Рууд Ван Нистелрой так описывает свою потребность в *privacy*: “Если я где-то на публике, то обязательно просматриваю то помещение, где нахожусь. Для меня совсем не важно быть на глазах у всех, это просто мой рефлекс – просматривать помещение. Ощущение того, что на тебя постоянно смотрят, утомляет, и именно поэтому каникулы в США великолепны. Никто не узнает тебя, никто даже не смотрит на тебя. Я не хочу быть иконой, я замкнутый парень. Я хочу уважения к футболисту Руду Ван Нистелрою. Я нуждаюсь в уважении, но не в обожании”.

Еще одна легенда “Манчестер Юнайтед” Рой Кин, вспоминая годы наивысшей популярности и то, как он тяготился ею, отмечает: “I found it very difficult to cope with the fame that accompanied my status as a footballer. You could describe it as Greta Garbo syndrome. I wanted to be alone” (общеизвестно, что Грета Гарбо была в высшей степени *a private person*, отсюда и возникшее выражение “*a Greta Garbo syndrome*”).

Когда в решающем матче английской Премьер Лиги был травмирован ключевой игрок сборной Англии Уейн Руни, что почти полностью элиминировало шансы английской команды на победу в чемпионате мира,

все средства массовой информации Великобритании говорили только об этом. Как отмечали обозреватели MUTV "The 20-year-old striker's fractured metatarsal has been the talk of the nation since Saturday evening". Сам же игрок в интервью MUTV сказал: "I'd like to thank everyone who's sent me message and supported me. But it's now important that I have some privacy and the press leave me alone as I try to get myself fit".

На самом деле потребность в *privacy* – общечеловеческое свойство, присущее в той или иной степени большинству людей. Как отмечает неизвестный автор, оно возникло еще в глубокой древности, когда Адам и Ева впервые испытали потребность скрыть свою наготу, и, таким образом, скрыться от Бога, узнавшего об их грехе. В прежние времена, а именно вплоть до XVIII века, *privacy* в значении уединенности, изолированности, личного пространства было прерогативой высших слоев общества. Большинство людей жили в небольших домах, и часто вся семья обитала в одной комнате. Но по мере того, как западное общество становилось все более материально благополучным и начал формироваться средний класс, члены семьи приобретали возможность иметь свое пространство в доме. Это привело к изменению понятия *privacy*.

Сегодня *privacy* – это дело каждой отдельной личности, это сфера, в которую можно входить лишь с разрешения самого индивида. Ни правительство, ни средства массовой информации, никто извне не имеют права вторгаться в частную жизнь. Поэтому концепт *privacy* напрямую связан с понятием демократии.

Наиболее ярким примером мечты о *privacy* в литературе является знаменитый роман английского писателя Джорджа Оруэлла "1984". Написанный в 1948 году, роман описывает воображаемую страну будущего как место, в котором власти страны непрерывно следят за всеми и контролируют жизнь каждого. Герои романа не могут даже позволить себе любить друг друга, настолько они находятся постоянно в поле зрения "Старшего Брата" (Big Brother), которого никто не видит, но снимки которого с надписью "*Big Brother is watching you*" развешены повсюду. Это выражение часто употребляется в английском языке для описания начальства или правительства, которое авторитарно, не дает никакой свободы и бдительно следит за своими подчиненными. Ср. также выражение: "*Oh, this is Big Brother personality*".

Проблема *privacy* настолько остро стоит в частной и общественной жизни людей, что служит предметом многочисленных публикаций и конференций. Так, прошедшая в Нью-Йорке в 2003 году конференция по *privacy* ставила в повестку дня такие важные вопросы, как *Privacy and the Law: The Legal Construction of Privacy; The Internet and the Protection of Privacy; Threats to Privacy; Privacy and the Self: The Rise and Fall of Privacy; Private / public: The Evolution of the Distinction; Invasions of Privacy: Violations of Boundaries, Privacy and the Freedom of Expression, Privacy and the State*.

Privacy имеет свою правовую сторону. Так, в частности, в этой сфере лежит проблема эвтаназии (*euthanasia*, или *mercy-killing*, или *physician-assisted suicide*). В то время как большинство людей считают, что неизлечимо больные люди не могут уйти из жизни по собственному желанию, имеется и большое число таких, которые считают, что человек имеет право выбора жить или не жить в подобных обстоятельствах и что вопрос о жизни или смерти – это его сугубо частное дело (*a private matter*).

Другой правовой аспект проблемы *privacy* – это незащищенность в интернете. Огромное количество "спама", присылаемого каждому, кто пользуется "всемирной паутиной", угроза многочисленных хакеров, вирусов и т. п. – все это грубые проявления вторжения в частную жизнь (*invasion of privacy*). "The right to be left alone is still valued highly by civilized people; how they will protect that right in the new Information Age remains to be seen", – отмечает Мелвин Урофски в книге "Rights of the People" (в разделе "Privacy") [31].

Концепт *privacy* напрямую связан с понятием *freedom*. Человек нуждается в связях и общении с другими людьми, но при этом ему необходимы время и пространство для себя самого. *Privacy* – это не изоляция или ссылка. Это скорее избранное самим человеком желание быть одним или с несколькими людьми по своему выбору. Одинокое заключение в тюрьме, например, это не *privacy*. А гуляние по лесу или хождение по горам одному или с другом – это то, что отвечает пониманию слова *privacy*. Таким образом, из двух синонимов – *loneliness* и *solitude* к понятию *privacy* имеет отношение именно второй, как отражающий добровольную альтернативу, в то время, как понятие *loneliness* содержит коннотации одиночества, сопровождающегося потребностью в общении, его дефиците. Именно поэтому *solitude* воспринимается скорее как "уединенность" (собственный выбор), а *loneliness* – как "одиночество" (следствие сложившихся обстоятельств).

При том что мы отмечаем, что тяга к *privacy* – это общечеловеческое свойство, хотелось бы подчеркнуть, что в английском социуме эта потребность возведена в культ. "The English dream is privacy without loneliness", – отмечает Джереми Пэксмен, автор интересной книги об англичанах "*The English: A Portrait of a People*" [30]. Прайс Кольер, автор книги "Англия и англичане – с американской точки зрения", отмечает, что в Англии создается "своеобразное чувство уединенности (*privacy* – примечание автора) без одиночества (*loneliness*)" [20].

Интересно отметить, что ярко выраженный индивидуализм англичан, их тяга к *privacy* при этом сочетается с большой тягой к формированию клубов и различных обществ. Цитируя высказывание Алексиса де Токвиля, что "дух индивидуальности является основой английского характера", Джереми Пэксмен при этом отмечает: "But now he (de Toqueville) wondered how did the English manage to be simultaneously so highly singular, yet to be forever forming clubs and societies: how could the spirit of

association and the spirit of exclusion be so highly developed in the same people?" [30].

В рекламе английского паба "Bobby Dazzler" в Москве, где собираются фаны "Манчестер Юнайтед", пишут: "Слово *pub* происходит от *public* – общественный.

Но, пожалуй, только англичане могут так гармонично объединить *public* и *privacy*, обойдясь и без толчеи, и без фамильярности. Корректность как естественное продолжение самоуважения – это качество жителей туманного Альбиона, оказывается, свойственно и нам, по крайней мере посетителям паба "Бобби Деззлер".

Военный корреспондент Марта Гелборн, супруга Эрнеста Хемингуэя, в ответ на вопрос о том, почему она переехала жить в Англию, ответила, что любит Англию за ее абсолютное *безразличие* (*indifference*). "I can go away, spend six months in the jungle, come back and walk into a room, and people won't ask a single question about where I've been or what I have been doing. They'll just say, "Lovely to see you. Have a drink". На предположение собеседника о том, что это может быть нежелание вмешиваться, она ответила, что это всего лишь *privacy of indifference* [30].

Р. Д. Льюис, автор книги "Деловые культуры в международном бизнесе" отмечает, что, стоя в очереди или сидя в поезде, никто не вступает в разговор с соседями – вот почему они повсюду носят с собой газету. "Когда несколько лет назад в туннеле лондонского метро поезд сошел с рельсов, старому джентльмену из Сити пришлось пройти пешком по рельсам полмили до следующей станции, где он воскликнул: "Там, в темноте, ужасно! Люди разговаривают друг с другом!" [19]. М. Любимов, советский разведчик, много лет проработавший в Англии, отмечал, что заговорить с англичанином в метро или в поезде – чуть ли не преступление против королевы [18].

Ю. Б. Кузьменкова рассказывает эпизод, описанный в одном из современных английских рассказов "Stranger Etiquette", когда попутчик, вынужденный невольно слушать разговор по мобильному телефону своего соседа по купе, мог предотвратить возможность несчастного случая, возникшую из-за допущенной в этом разговоре и им замеченной ошибки в разнице во времени прибытия поезда. После непродолжительного колебания британец выбрал меньшее из зол – промолчать, иначе он рисковал потерять лицо, поскольку вмешаться было бы равносильно признанию факта подслушивания. "Очевидно, – заключает Ю. Б. Кузьменкова, – что с точки зрения россиянина (в свете ориентации на соблюдение морально-этических норм поведения) подобный поступок может быть расценен как безнравственный" [15].

Известен случай, когда в вагоне поезда пассажир сказал соседу, что тот уронил горящий пепел на брюки, на что получил ответ: "Вот уже десять минут, как горят спички в кармане вашего пиджака, но я не счел возможным вмешиваться в ваши дела!". Ср. английский вариант: "For the last ten minutes I have seen a box

of matches on fire in your back coat pocket, but I didn't interfere with you for that[30]. И все это не что иное, как свойственное англичанам "respect for privacy".

Интересна мысль Дж. Пэксмена о том, что "the abiding memory of the Sherlock Holmes adventures is not of the great detective solving any individual murder mystery but of him and his friend Dr. Watson sitting in amiable doze at home in Baker Street, when ...their peace is suddenly disturbed by a visitor desperate for help. That's the trouble with the outside world. It keeps on intruding on domestic peace." [30].

Достаточно известна история о двух путешественниках-англичанах, встретившихся в пустыне в Сирии и долго размышлявших о том, стоит ли им заговорить или проехать молча мимо. В результате, когда путешественники поравнялись друг с другом, они молча подняли руки к головным уборам в знак приветствия, а потом помахали друг другу и попытались разъехаться. Когда же наконец, по выражению Дж. Пэксмена, "комплексы англичан были сняты арабскими верблюдами", которые остановились и отказались двигаться дальше, то один из путников наконец-то нарушил молчание и спросил: "I dare say you wish to know how the Plague is going on at Cairo." [18, 21, 30].

Вс. Овчинников, автор одной из первых советских книг об Англии и англичанах, пишет, что "англичане с их щепетильным отношением к частной жизни друг друга (*privacy*) считают телефон менее подходящим каналом общения, чем почту. Телефонный звонок может неудачно прервать беседу, чаепитие, телевизионную передачу. К тому же он требует безотлагательной реакции, не оставляя возможности продумать и взвесить ответ. Почту же получатель может вскрыть, когда ему удобно, и ответить на каждое письмо с учетом содержания других" [20].

Интересно отметить, что высшим воплощением такой тяги англичан к *privacy* является английский дом. "My home is my castle", "There is no place like home", "Home, sweet home", – вот немногие из языковых репрезентаций значимости этого понятия для англичан. "Дом является центром вселенной для англичанина. К нему стремится душа его после работы, о нем мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем другими ценностями", – отмечает А. В. Павловская [21]. И там же: "К дому у англичан отношение действительно особое, трепетное. Не случайно почти все дома в Англии имеют имена, это создает неудобства для гостей и почтальонов, но демонстрирует очень личное, очень трепетное отношение англичан к своему жилью. Имена эти очень разные, порой трогательные, порой странные, порой очень старые. Например, "Под дубом", хотя вокруг на много миль не видно ни одного, или "У ивы", которую, видимо, срубили много лет назад, или "Кошкин дом" – а на подоконнике и впрямь сидит большая кошка, или "Приют контрабандистов" – над дверью уютного трогательного коттеджа".

По сравнению со многими народами на континенте, и в частности, с французами, которые проводят боль-

шую часть времени на публике, и, точнее, на улице, просиживая за чашкой кофе в маленьком кафе на улице (которыми усеян весь Париж), англичанин предпочитает свой дом и внутренний дворик. «Действительно, Англия — это царство частной жизни, гербом которого могло бы стать изображение изгороди и девиз “Мой дом — моя крепость!”. Англичанин подсознательно стремится отгородить свою частную жизнь от внешнего мира. И порог его дома служит в этом смысле заветной чертой», — отмечает Вс. Овчинников [20].

Очень тонкое сравнение приводит Карен Хьюит между русской кухней и английским домом: “Something of the Russian feeling about the privacy of kitchens is found in the English word *home*” [27].

Подчеркивая, что “the fixation with owing their homes is a physical expression of the English belief in privacy”, Дж. Пэксмен задает наиболее существенный для настоящей статьи вопрос: “Are the three things — the insularity of the nation as a whole, a collective belief in domesticity and an individual preoccupation with privacy — differing expressions of the same phenomenon?” [30].

Тот же Дж. Пэксмен, ссылаясь на метеорологическое объяснение английского характера и особой значимости для них понятия *home*, отмечает: “I wondered whether the English weather might really be the key” [30]. И далее: “Common sense says that, because weather affects behaviour, it may also have some effect on character. Could the English preoccupation with privacy and home have an explanation as simple as the fact that their climate obliged them to spend a lot of time indoors? It’s a reasonable supposition that cold wet weather, which forced teenagers to stay indoors in winter instead of going to the beach or skiing, probably has something to do with the country’s capacity for inventive rock music. But is there something more profound? Has a mild and gentle climate, rarely too hot and rarely extremely cold, played a role in producing a moderate, pragmatic people?”

Итак, влияние внешних, в частности климатических факторов, на формирование национального характера представляется вполне очевидным. Более того, верной представляется и точка зрения о том, что на национальный характер оказывает большое влияние и другой, на наш взгляд, гораздо более значимый фактор, такой, как географическое устройство. Эта теория была в свое время сформулирована известным историком Л. Н. Гумилевым в его книге “Этногенез и биосфера Земли”, который писал, что этносы “... всегда связаны с природным окружением и что ландшафт и есть главный плавильный котел, который формирует этнос”, и далее: “Стереотип поведения складывается как адаптивный признак, то есть как способ приспособления этноса к географической среде” [7].

Эта точка зрения имеет место в науке и носит, на наш взгляд, весьма обоснованный характер. С этих позиций можно рассматривать, например, определенные черты русского национального характера, такие, как толерантность к другим культурам, широта, необъяснимость и

таинственность русской души и ряд других в связи с географическими особенностями, в которых проживает данный народ, а именно огромными просторами, большими расстояниями и территорией. “В душе русского народа есть такая же необъятность, безграничность, устремленность в бесконечность, как и в русской равнине”, — отмечал Н. А. Бердяев [2]. С этих позиций русский национальный характер описывается авторами книги “Upgrade Your Language Skills”. В главе “Russian Character in Geopolitical Context” авторы формулируют целый ряд черт русского этноса, обусловленных погодой и климатом, огромной территорией, большими расстояниями и обширными границами [23].

Мысль о влиянии географии на менталитет народа подчеркивает и Дж. Пэксмен: “But geography matters; it makes people who they are... The adage is that geography makes history. But if such a thing as a national psychology exists, it may be made by geography... The first profound influence upon the English is the fact that they live on an island... This island idea has a special place in the English imagination” [30].

Еще Уильям Шекспир воспевал Англию следующими словами:

This fortress built by Nature for herself
Against infection and the hand of war,
This happy breed of men, this little world,
This precious stone set in the silver sea,
Which serves it in the office of a wall,
Or as a moat defensive to a house.

(Shakespeare, “Richard II”)

А. В. Павловская, автор книги “Англия и англичане”, отмечает, что Англия — единственная страна, которая не хочет быть Европой. “Итальянцы и испанцы тайно комплексуют и мечтают приобщиться к этому славному имени, восточные европейцы хотят того же шумно и агрессивно, немцы делают вид, что они и есть Европа, но в глубине души не слишком в этом уверены, скандинавы живут в своем мире, не рассчитывая на эту честь. И только англичане последовательно отказываются от этой привилегии, всячески отделяя себя от всего мира... Англичане хотят быть сами по себе. И им это удастся. Они знают, что они и есть самая великая страна, своего рода пуп вселенной” [21]. И, действительно, тот факт, что англичане живут на острове, отделенные от всей остальной Европы и всего мира, создало совершенно особый национальный характер англичан. “Every person is an island”, — говорила моя знакомая Сандра Бьюкенен, когда я делилась с ней мыслями об островном характере англичан. — “There is an invisible fence around him”. Возможно, именно стремление избавиться от этой отделенности руководило мыслями английского поэта Джона Донна, когда он писал слова, ставшие впоследствии эпиграфом к известному роману Эрнеста Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls”:

“No man is an island, intire of it selfe; every man is a peece of the Continent, a part of the maine; if Clod bee

washed away by the Sea, Europe is the lesse, as well as if a Promontorie were, as well as if a Mannor of thy friends or thine owne were; any man's death diminishes me, because I am involved in Mankinde; And therefore never send to know for whom the bell tolls. It tolls for thee."

Анализируя концепт *privacy* и трактуя словосочетание *to have privacy*, Анна Вежбицкая дает следующее определение: "To be able to do certain things unobserved by other people, as everyone would want and need to ... it is assumed that every individual would want ... to have a little wall around him / her at least part of the time, and that is perfectly natural, and very important" [34] (Подч. автора). Эта "невидимая стена" окружает каждого англичанина, который как бы мысленно изолирует себя от всех окружающих. Широко распространенное у англичан понятие *body distance* – личное пространство – ощущается везде в Англии – в очереди, где расстояние между людьми 1–2 метра, в общественных местах (магазинах и т. п.), где люди произносят *sorry* каждый раз, когда приближаются ближе чем на 1 метр, извиняясь, таким образом, за нарушение личного пространства (*body distance*).

Интересно отметить, что такое личное пространство понимается не только в физическом смысле этого слова, но и чисто в психологическом (*personal distance*). "Аналогичным образом немислимо какое-либо вторжение в "чужое пространство" – физическое или духовное, начиная от личных вещей (например, комментариев по поводу внешнего вида (даже родственников) или просмотр документации, открыто лежащей на рабочем месте и кончая личной жизнью и манерой поведения (ср.: непрошенные советы)", – отмечает автор интересного исследования о ментальности англичан и их речевого поведения Ю. Б. Кузьменкова [15].

По сравнению с южными народами, принадлежащими к так называемым *contact cultures* (яркий пример – итальянцы), англичане соблюдают принцип *do not touch*. "You think being touched is invasive because you are English", – отмечает Джулиан Барнс, автор книги "England, England".

"When it comes to physical contact, the English are still deeply reserved", – отмечает Энтони Мейл, автор книги "Xenophobe's Guide to the English". И там же: "Women may kiss on one or both cheeks. If they do, the miss-kiss is preferred, the kisser making a kissing gesture with appropriate sound-effects in the air in the general region of the kissee's ear or ears... Men, that is to say proper, English, men never hug or (perish the thought) kiss other men. They leave that to foreigners" [28].

Проблема иностранцев или *foreigners* занимает совершенно особое место в менталитете англичан и так же, как и концепт *home*, имеет отношение к ключевой проблеме настоящей статьи – концепту *privacy*. Туристы в Англии всегда восхищены любезностью, с которой к ним относятся англичане. Однако это, как и многое другое, особая вежливость англичан. На самом же деле отношение к иностранцам снисходительное, хотя и прикрытое вежливой улыбкой. Отмечая, что "Deep down,

the English don't really care for foreigners", Дж. Пэксмен приводит наблюдения жителя Венеции, что "the English are great lovers of themselves, and of everything belonging to them; they think that there are no other men than themselves and no other world but England; and whenever they see a handsome foreigner they say *he looks like an Englishman and that it is a great pity that he should not be an Englishman*" [30].

Забавную историю рассказывает венгерский эмигрант Джордж Микиш, написавший много веселых и мудрых книг о различных нациях, в том числе и об англичанах. Автор снимал комнаты у англичанки, которая совершенно неожиданно предложила ему на ней жениться. Перепуганный венгр ответил: "Я не могу. Моя мать никогда не позволит мне жениться на иностранке!" Дама взглянула на него с недоумением и раздражением: "Это я иностранка?! Что за ерунда? Я англичанка, это вы – иностранец! И ваша мать тоже!" "Но позвольте. Неужели мы иностранцы даже в родном Будапеште?" – не унимался венгр. "Везде! – заявила дама твердо, – истина не зависит от географии. То, что верно в Англии, верно и в Венгрии, и на Северном Борнео, и в Венесуэле, и везде!" [18, 24].

Несколько очень милых высказываний об отношении англичан к иностранцам приводит Энтони Мейл [28]:

"As far as the English are concerned, all of life's greatest problems can be summed up in one word – foreigners" (p. 5);

"In actuality, they (the Englishmen – A. J.) only value foreigners for their backs – which they can use for talking behind" (p. 7);

"In many ways foreigners get the same treatment as English children do. That is to say they are seen but not heard" (p. 25).

С. Г. Тер-Минасова в своей книге "Язык и межкультурная коммуникация" рассматривает подобное отношение к иностранцам как непрямой способ выражения любви к Родине, свойственный англичанам [24]. В наибольшей степени неприязнь к иностранцам проявляется (по крайней мере, в языковом плане) по отношению к французам и к голландцам. С французами англичан связывают своеобразные "love-hate relationships" и многовековое соперничество. "The English are always the first", – часто повторял известный преподаватель английского языка из Лондона Брюс Монк, много лет преподававший на факультете иностранных языков МГУ. Национального героя Франции Наполеона Бонапарта англичане называют не иначе как "the cause of Josephine's nocturnal disappointments". Если англичанин ругается, он сопровождает это словами "Pardon my French". Плохое поведение характеризуется как "Done like a Frenchman". "To take a French leave" по-английски означает то, что в других языках, в том числе и во французском означает "уйти по-английски" (ср.: *filer a l'anglaise* и *damne comme un Anglais*). И все это, не включая всей не совсем приличной лексики, связанной со словом French (*French disease; French compliment; French lessons* и т. п.).

Еще полнее негативное отношение выражается в сочетаниях со словом Dutch:

Do the Dutch – to kill yourself.

The Dutch act – suicide.

Dutch comfort – an assumption that things cannot get worse.

Dutch concert – music played out of tune or a drunken carouse.

Dutch consolation – an assurance that although things are bad, they could have been worse.

Dutch courage – bravery induced by alcohol, implying that a Dutchman is a coward when he is sober.

Dutch feast – an occasion when the host becomes intoxicated while his guests are still sober.

Dutch headache – a hangover.

Dutch uncle – someone who reproves you sharply or gives you solemn advice, unlike the geniality of real uncles.

Dutch widow – a prostitute. (Примеры взяты из Holder, 1995).

Go Dutch – to share the cost, esp. of a meal. People use this expression particularly when a man and a woman go out together and the woman pays for herself instead of being paid for by the man.

Dutch treat – an occasion at which everyone pays their own bill.

I am a Dutchman – a phrase used to show disbelief = I don't believe you.

To talk like a Dutch uncle – to speak in an angry complaining way, showing strong disapproval, esp. someone who has done something wrong.

(Примеры взяты из *Longman Dictionary of English Language and Culture*).

В современном английском языке негативные коннотации со словом Dutch наиболее характерны для американского варианта английского языка. Сами голландцы объясняют такое количество негативных слов в английском языке, связанных с ними, фактом морского соперничества двух держав – Англии и Голландии в XIX веке. Однако тенденция продолжает иметь место и сегодня, хотя и испытывает вполне толерантное отношение к этому со стороны самих голландцев. Последние дополнили наш лексикон сочетанием *double Dutch* – очень плохой человек (характерным в речи американцев и не зафиксированным в этом значении в словарях). Наш интерес также привлекла открытка, на которой изображено блюдо, состоящее из множества таблеток (экстази и прочее), под которыми имеется надпись *Dutch sushi*.

Понравилась также шутка, рассказанная бельгийцами, своего рода *a Belgian joke*:

– *How do you call a meal consisting of beer and coffee?*

– *A Dutch lunch.*

Итак, отношение к иностранцам и отражение этого средствами языка – одно из наиболее ярких проявлений "островного мышления" англичан, своего рода "the island neurosis" по выражению Дж. Пэксмена.

Известный английский писатель Джон Фаулз писал, что тот факт, что Англия расположена на острове, способствовал созданию народа, который "смотрит с севера через море, народ, который можно считать наблюдателями". И, действительно, англичанин предпочитает быть скорее наблюдателем (*the observer*), чем непосредственным участником событий. Это создает эффект *дистанцированности* от событий и находит свое выражение в поведении и во всем менталитете англичан. Очень ярко такая дистанцированность выражается в языке.

Исследованное нами в ряде работ явление *номинативности* английского языка представляет наглядный пример дистанцированности, выраженной в языке синтаксическими средствами, а именно многокомпонентным именовым словосочетанием. Последнее, представляя собой свернутые предложения и даже целые тексты, в сжатом виде передают большой объем информации. Свернутые в виде имен существительных глаголы, как компоненты этих словосочетаний, создают картину неявной выраженности мысли, свойственной английскому языку вообще, что, в свою очередь, создает впечатление некоторой отстраненности от описываемых событий [9, 10]. Именно анализ номинативности навел нас на мысли об изучении явления дистанцированности в языке и менталитете англичан, об обуславливающих ее причинах, о способах и формах ее языковой репрезентации. Еще одним проявлением дистанцированности в английском языке выступает явление *understatement*, а также так называемые *hedges*. Достаточно ярко дистанцированность проявляется в так называемом *language of doublespeak*, примерами которого могут являться следующие:

The planes do not crash – they just have the uncontrolled contact with the ground.

или:

President Reagan was not nearly dying – he was in a non-decision-making form.

Характерным для англичан является и *самодистанцирование* как одно из проявлений дистанцированности вообще. Дж. Пэксмен в завершение предисловия к своей книге об англичанах пишет: "And now I have just noticed that I am writing of the English as they (подч. автора), when I have always thought myself one of them. They remain elusive to the last." [30]. Явление самодистанцирования находит свое отражение и в знаменитом английском юморе, часто позволяя англичанам иронизировать над самими собой.

Ярко выраженный индивидуализм, свойственный англичанам, позволяет им дистанцироваться и от такого мощного органа контроля и управления, как государство. Тот же Дж. Пэксмен пишет: "It is tempting to conclude that the French believe the state is the people, while in England, the state is something else – them" [30].

Достаточно известный пример, соответствующий русскому выражению *в нашей стране*, – также является примером дистанцирования. То есть по-английски в на-

шей стране будет *in this country*, но не *in our country*. Выразиться по-английски *in our country* было бы слишком интимно и поэтому некорректно с точки зрения английского социума. Англичанин, как ярко выраженная индивидуальность, как своего рода “человек-остров” [6], предпочитает дистанцироваться даже от своей страны.

“...англичане в соответствии со своим национальным характером проявляют обычную сдержанность и в отношениях со своей родиной, называя ее очень нейтрально и подчеркнуто отдаленно *this country*”, — отмечает С. Г. Тер-Минасова [24]. Интересно отметить, что дословный перевод этого выражения на русский язык придает ему негативный оттенок — ср.: *в этой стране*.

Проблема дистанцированности в английской коммуникации была основательно рассмотрена на примере категории вежливости Т. В. Лариной [16, 17]. Основываясь на делении понятия вежливости на негативную и позитивную [26], автор подробно изучает негативную вежливость, основанную на дистанцировании и свойственную англичанам, называя ее *вежливостью отдаления* [17]. Стратегии негативной вежливости нацелены на социальное дистанцирование и ставят конечную цель показать взаимное уважение членов коммуникативного акта.

Т. В. Ларина дает следующие рекомендации русским коммуникантам при общении с англоязычными партнерами (мы приведем лишь часть из них, то есть те, которые ближе всего стоят к рассматриваемой нами проблеме):

“Помните, что личная автономия (*privacy* — автор) является свято оберегаемой в английской культуре, вторжение в нее считается грубейшим нарушением коммуникативных норм. Исходя из этого, соблюдайте следующие коммуникативные табу:

- не оказывайте коммуникативного давления на собеседника;
- не давайте советов, если вас не просят;
- не делайте замечаний;
- не критикуйте;
- не навязывайте своего мнения;
- не вмешивайтесь в разговор;
- не перебивайте.” [16].

Интересно отметить, что стратегии вежливости в англоязычных странах находят свое преломление даже в общении с преступниками. Американскими полицейскими выдвинута коммуникативная философия, основанная на системе вербальных тактик, разработанной Дж. Томпсоном (бывшим полицейским, а ныне английским профессором). Названная вербальным дзюдо, она нацелена на достижение компромисса между правоохранительными органами и гражданами, что достигается посредством словесного убеждения и поддержания “профессионального лица”. Стратегическая вежливость оказывается весьма действенной в общении с правонарушителями: так, например, фраза “Извините, но мне просто необходимо с вами переговорить.” вместо “Ну-ка, подойди сюда.” может изменить

стереотипное развитие событий и позволяет держать ситуацию под контролем [15].

Итак, понятие негативной вежливости, свойственной англоязычному социуму, отражает стремление к “дистанцированности” (объясняя, например, феномен пресловутой “британской чопорности” — сдержанности в общении, создающей некий “эффект отчуждения”, когда говорящий, действуя на основании принципа невмешательства, всеми способами стремится избежать самораскрытия), а “сохранение этой дистанцированности как ценностной ориентации — выбранной позиции по отношению к окружающему миру — является главной целью англоязычной коммуникации в целом” [15].

Таким образом, понятие дистанцированности является ключевым в общей системе мировосприятия англичан. Оно во многом определяется географическим расположением территории, на которой живет англосаксонский этнос (*geographical distance*) и выражается в поведенческих и психологических установках англичан (*body distance* и *personal distance*). Оно также находит яркое воплощение (аспект наиболее интересный для нас) и в языковом плане (*language distance*). Последнее выражается в значимости в языке лингвоспецифичного концепта *privacy* и связанного с этим целого ряда явлений, в *стратегиях негативной вежливости*, в так называемом “*language of doubletalk*” (или “*doublespeak*”, или “*newspeak*”), в особом характере английской номинативности, в таких явлениях, как *understatement* и *hedges*, и в целом ряде других вещей.

И здесь хотелось бы вернуться к принципу экспансионизма как одному из важнейших направлений современной лингвистики. Мы надеемся, что данный принцип получил достаточно обоснованную иллюстрацию, как и все остальные принципы (в частности, принцип экспланаторности). Однако хотелось бы еще раз остановиться на принципе экспансионизма, а точнее, на идее Вяч. Вс. Иванова о синтезе искусств, на вагнеровской идее “всеобщности искусств”. С этой точки зрения понятие дистанцированности, идущее по линии *geographical distance — body distance — personal (mental) distance — language distance*, находит свое преломление и в искусстве. На сегодняшний день мы можем привести пока свои наблюдения над английским кинематографом. Так, в частности, на наш взгляд фильмы крупнейшего и одного из наиболее ярких режиссеров в английском и мировом кинематографе Питера Гринуэя характеризуются особой дистанцированностью или отстраненностью от описываемых событий. При их просмотре всегда проявляется позиция режиссера как стороннего наблюдателя событий, происходящих в фильме. Это подчеркивает и сам Гринуэй, определяя свой принцип подхода к киноискусству: “Кино — это обман”. Очевидно, доминирование этого принципа не позволяет режиссеру глубокого погружения в описываемые события, создает эффект отстраненности. Отстраненность в фильмах Гринуэя может создаваться разными средствами — это и гротескность пейзажа; и

возвышенная, хотя и современная музыка Майкла Наймана; и голос “за кадром”; (“The Draftman’s Contract” – в русском прокате “Контракт рисовальщика”); и образ зрителей, наблюдающих за всем, происходящим в фильме и одновременно включенных в сюжет фильма (“Mason’s Child”); и использование языка Шекспира (“Prospero’s Books ”); и целый ряд других средств, очевидно более заметных для киноведа.

Таким образом, случай с фильмами Гринуэя позволяет демонстрировать, наряду с описанными выше, еще один вид дистанцированности англичан, иллюстрируемый в данном случае возможностями кинематографа.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, хотелось бы подчеркнуть следующее:

Значимость концепта *privacy* в английском языке способствовала нашему интересу к этому явлению и

позволила изучить его в самых разных ракурсах. Концепт *privacy* отражает свойство к дистанцированности англичан, опосредованное во многом географическими условиями, в которых проживает данный этнос. Последние формируют своеобразную “островную психологию”, выражающуюся в поведенческих, ментальных, языковых проявлениях. Дистанцированность находит свое преломление и в английском искусстве, иллюстрируемом на примере кинематографа. Концепт *privacy* коррелирует с другими связанными с ним концептами, такими, как *home*, *foreigner*. Он соотносится и с таким понятием, как *language distance*, реализующимся на разных уровнях языковой системы – лексическом, синтаксическом, стилистическом (*understatements*, *hedges*, *doubletalk*, *nominality*, etc).

Литература

1. Абаев В. И. Понятие об идеосемантике // Язык и мышление. Вып. 11. – М.; Л., – 1948.
2. Бердяев Н. А. Душа России // Русская идея. – М.: Республика, 1992. – С. 296–312.
3. Барнс Дж. Англия, Англия. – М.: Изд. Аст, 2002.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – М.: Языки славянской культуры, 2001.
5. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996.
6. Гачев Г. Ментальности народов мира. – М.: Эксмо, 2003.
7. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л.: ЛГУ, 1989.
8. Джиева А. А. Об универсальном и идиоэтническом в семантике языка // Вопросы иранистики и алановедения. Научная конференция, посвященная 90-летию В. И. Абаева. – Владикавказ, 1990. – С. 24–26.
9. Джиева А. А. Синтаксизация имени и номинативность английского языка. – М.: МАЛП, 1995.
10. Джиева А. А. Номинативность как действие этнокультурного фактора в языке // Россия и Запад: диалог культур. Вып. 6. – М.: МГУ, 1998. – С. 171–174.
11. Джиева А. А. Концепт “Understatement” в английской языковой модели мира // Языки в современном мире. Материалы конференции. Том 1. – М.: МГУ, 2004. – С. 191–198.
12. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004.
13. Кибрик А. Е. Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Международная конференция. Том 1. – М.: МГУ, 1995. – С. 217–218
14. Кубрякова Е. С. Смена парадигм знания в лингвистике XX века // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. Международная конференция. – М.: МГУ, 1995. – С. 278–280.
15. Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев и россиян. – М.: Изд. Дом ГУВШЭ, 2005.
16. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: РУДН, 2003.
17. Ларина Т. В. Стратегии негативной вежливости, или стратегии отдаления, в английской коммуникации (в сопоставлении с русской) // Россия и Запад: диалог культур. Вып. X. – М.: МГУ, 2003.
18. Любимов М. Гуляния с Чеширским котом: мемуар-эссе об английской душе. – М.: Б.С.Г. – Пресс, 2004.
19. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 1999.
20. Овчинников В. Сакура и дуб. – М.: Дрофа, 1999.
21. Павловская А. В. Англия и англичане. – М.: Изд. Моск. ун-та, 2004.
22. Прохвачева О. Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2000.
23. Самохина Т. С., Дианова Е. М. Upgrade Your Language Skills. – М.: Изд. Р. Валент, 2003.

24. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация.— М.: Слово, 2000.
25. Brown P, Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Politeness Strategies in Social Interaction.— Cambridge University Press, 1978.
26. Brown P, Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage.— Cambridge University Press, 1987.
27. Hewitt K. Understanding Britain.— М.: Высшая школа, 1994.
28. Miall A. Xenophobe's Guide to the English.— Oval Projects, 1993.
29. Mascull B. Collins COBUILD Key Words in the Media.— М.: Астрель-Аст, 2002.
30. Paxman J. The English: A Portrait of a People. Penguin Books, 1999.
31. Urofsky M. Rights of the People.— Moscow.: American Embassy, 2005.— Pp. 44–50.
32. Wierzbicka A. Different Cultures. Different Languages. Different Speech Acts // Journal of Pragmatics. 1985.— Vol. 9.— No. 2–3.— Pp. 145–178.
33. Wierzbicka A. Soul and Mind: Linguistic Evidence for Ethnopsychology and Cultural History // American Anthropologist. 1989.— Vol. 91.— No 1.— Pp. 41–57.
34. Wierzbicka A. Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction.— New York, 1991.
35. Longman Dictionary of English Language and Culture.
36. Cambridge International Dictionary of English.
37. Macmillan English Dictionary for Advanced Students.
38. Webster's New Encyclopedic Dictionary.
39. Rawson's Dictionary of Euphemisms and other Doubletalk.